

УДК 82.09-3

DOI: 10.26456/vtfilol/2024.3.268

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА ГЕРОЯ-АНТАГОНИСТА В ПРОЗЕ В. П. КРАПИВИНА

М. В. Комин

Тверской государственной университет, г. Тверь

В настоящей статье исследована эволюция образа героя-антагониста в прозе Владислава Крапивина (на примере отдельных произведений, созданных на разных этапах творчества автора). Описана сущность крапивинского антагониста (его противостояние с Детством), а также показана связь образа антагониста с социокультурной средой, актуальными проблемами и вызовами, характерными для эпохи создания конкретного произведения. Представлена эволюция крапивинского антагониста по пути его ожесточения: рост преступлений против Детства на фоне кризиса советско-российского общества. Рассмотрены условия исправления героя-антагониста и его перехода на сторону Добра. Показано переосмысление писателем роли природы, стихии как антагониста человечества.

Ключевые слова: Владислав Крапивин, Детство, антагонист, зло, формализм, эволюция образа, исправление героя.

Образ антагониста играет важную роль в литературном произведении, поскольку во многом определяет специфику и содержание его конфликта, постановку идейных вопросов (тезисов и антитезисов), развитие сюжетного действия. В детской литературе антагонист традиционно выступает антипримером, показателем того, как поступать не следует (в этой части образ антагониста в литературе для детей обычно характеризуется схематичностью, шаблонностью: типаж «ябеда», «двоечника», «хулигана» и т.д.); при этом образ антагониста (наряду с положительным примером главного героя) также выполняет воспитательную функцию при условии его критической оценки.

В отдельных аспектах образ крапивинского антагониста был изучен в работах Н. Ю. Богатырёвой, Е. А. Великановой, И. А. Сергиенко, однако на сегодняшний день в литературоведении не представлено комплексных исследований, освещающих эволюцию крапивинского антагониста. В данной статье предпринимается попытка показать изменение, развитие, последовательное усложнение образа героя-антагониста на протяжении творческого пути Владислава Крапивина.

Как отмечает Н. Ю. Богатырёва, антагонисты В. П. Крапивина – это «воплощение зла, с которым вступают в борьбу юные герои. Персонажи крапивинских произведений разведены по полюсам в соответствии с

© Комин М. В., 2024

той позицией, которую они занимают по отношению к главным героям – мальчишкам, а значит к детству и детям вообще. Крапивин однозначно решает вопрос о человеческой духовности и «положительности». Звания человека достоин тот, кто готов защищать Детство» [1, с. 9]. Таким образом, антагонист В. П. Крапивина – это всегда герой, так или иначе противостоящий Детству, отвергающий его ценности – искренность, непосредственность, верность дружбе, чистую мечту, веру в доброе и чудесное. В философии В. П. Крапивина Детство выступает главным хранителем Добра; следовательно, всякий, так или иначе посягающий на Детство, переходит на сторону зла, становится героем-антагонистом.

В ранних произведениях В. П. Крапивина конфликты носят преимущественно бытовой характер и разворачиваются в домашней, школьной или уличной обстановке: образ антагониста связан с соответствующей средой. В рассказе «Восьмая звезда» (1959) сердитая проводница ворчит на Ваську и Саньку, ищущих на перроне коробок с коллекционной наклейкой: «Нечего им спички давать. <...> Подожгут еще чего» [4, с. 6]; в повести «Звёзды под дождём» (1964) Славка превратил старый зонт в планетарий, проделав в нем отверстия по расположению созвездий, чем вызвал недовольство Вероники Павловны: «Вы подумайте... Одна, две, три... Он сделал восемь дыр, – аккуратно подсчитала Вероника Павловна. Созвездие Большой Медведицы было для нее просто дырами!» [7, с. 17]. Главным антагонистом здесь выступает равнодушный взрослый, не понимающий ребенка и не желающий принять детские фантазии, чувства, игру, необычный взгляд на мир – тот, «для кого звезды просто дыры». Такого антагониста отличают косность мышления, прагматизм, погруженность в мелочные житейские заботы, убежденность в превосходстве над ребенком исключительно в силу своих прожитых лет (по принципу «старший всегда прав»).

Антагонистами «крапивинских мальчишек» в среде ровесников выступают хулиганы – подростки с ярко выраженным девиантным поведением. Хулиган как отрицательный социокультурный типаж является традиционным антагонистом для советской школьной повести (Мишка Квакин, Алеша и Фигура в повести А. П. Гайдара «Тимур и его команда» (1940), Макар Гусев в повести Е. С. Велтистова «Электроник – мальчик из чемодана», 1964). Крапивинские хулиганы непременно наделены кличками блатного характера, подчеркивающими их околोकриминальный статус – Дыба, Череп, Тюля, Лысый; отдельно автором выделен иной, еще более опасный тип хулигана – опрятный и обаятельный внешне, эрудированный и остроумный, при этом открыто провозглашающий антисоциальные установки: например, Гутя в повести «Всадники на станции Роса» (1973): «Девчонки из старшего отряда по Гуте вздыхали. Он был симпатичный: смуглый, темноволосый, стройненький. Всегда в отглаженной пионерской форме, как с картинки. И очень вежливый. Со всеми. Даже с теми пацанами, которых он за провин-

ности собирался тюкнуть по лбу» [10, с. 48]. По замечанию И. А. Сергиенко, «противостояние «книжных мальчиков» и подростков, принадлежащих к неблагополучной социальной среде, за которой отчетливо проступает уголовно-криминальная среда, является сюжетом, отражающим реалии, характерные не только для российской действительности послевоенного и позднего советского периода, но отчасти являющиеся универсальными для гендерной маскулинной социализации в целом» [12, с. 158]. Стычка с хулиганами становится для крапивинского протагониста испытанием на храбрость, важной точкой личностного роста: «Крапивинские мальчики» выбирают стратегию принимать бой и защищаться» [Там же].

Как педагог и создатель разновозрастного отряда «Каравелла» В. П. Крапивин много размышляет над несовершенством школьной системы, проблемой формального отношения к обучению и воспитанию детей. С 1970-х годов антагонистами в крапивинской прозе все чаще выступают учителя-формалисты: Станислав Андреевич грубо задерживает Серёжу на вокзале и не желает слушать, по каким причинам мальчик сбежал из лагеря: «Не будем спорить, кто виноват. <...> Мне что нужно? Чтобы ты в лагерь вернулся» [10, с. 56]. При таком «силовом» и авторитарном подходе учителя противоречия между ним учеником не исчезают, а лишь усиливаются, что не может привести к позитивному результату. Противостояние с формализованной системой отчетливо выражается в борьбе внешкольных детских коллективов за свои права: в романе «Мальчик со шпагой» (1975) ребята спасают клуб от сотрудников домоуправления, которые устраивают настоящий погром в помещении «Эспады». В эпоху написания произведения все детские организации, созданные вне рамок пионерии, рассматривались как несущие потенциальную угрозу социалистической идеологии.

При этом борьба с учительским формализмом, бесчувственностью и безучастностью проходит через все творчество В. П. Крапивина: те же учителя, которые в советские годы безапелляционно диктовали учащимся партийную идеологию, с распадом СССР с легкостью меняют риторику на антисоветскую: «Классная, Диана Осиповна, сообщила, что «вопрос о пионерской организации пока неясен <...>». Поэтому лучше, мол, галстуки не носить, чтобы школу не обвинили в «излишней идеологизации учащихся». – Впрочем, это личное дело каждого, – добавила она и поджала губы. В прошлом году учителя еще писали замечания в дневник, если кто был без галстука, а тут – надо же! – перестроились» [5, с. 265]. Если «крапивинский мальчик» (протагонист) строго следует своему нравственному кодексу независимо от обстоятельств («Только Кинтелю позволялось спокойно ходить в красном галстуке. Все знали, что Кинтель делает это из принципа» [Там же]), антагонист не имеет принципов и убеждений, без зазрения совести вмиг подстраивается под любую ситуацию. В послевоенной школе крапивинские педагоги-антагонисты озабочены новыми

«модными тенденциями»: присвоением учебному заведению престижного статуса гимназии («Здесь не детский сад, а школа (которая скоро станет гимназией)» [8, с. 26]), составлением свода школьных правил – обширного, но совершенно бессмысленного, ставящего своей целью лишь приучить детей слепо подчиняться («Валерьян Валерьянович очень любил школьные правила. Но считал, что у этих правил есть большой недостаток – их мало. Время от времени он придумывал дополнительные. <...> В младших классах наводил он ох какой порядок» [Там же, с. 45]), а также формальным поддержанием международных связей, «обменом опытом» с ведущими школами мира: «В Горно завуча Игупкина ценили и ставили в пример. <...> Валерьяна Валерьяновича с учительской делегацией отправили на две недели за границу, в Англию» [Там же, с. 46]. Владислав Крапивин с грустью констатирует, что при внешней компетентности современные учителя во многом остаются равнодушными к детям, не желают вникать в их проблемы и заботы (в повести «Колесо Перепёлкина» (2003) учительница Инга Матвеевна искажает Васину фамилию (читает как «Перепалкин») и не хочет слышать объяснений мальчика: «Видимо, здесь перепутались буквы, вот и все. Невелика разница. Сядь» [Там же, с. 26], завуч Игупкин унижает Васю безосновательным требованием подняться и спуститься при всей школе по «нужной» лестнице). Учитель, думающий лишь о собственном статусе и смотрящий на ребенка свысока, не может стать ученику другом, советником, верным наставником, надежным проводником во взрослый мир.

На фоне кризиса советской государственности и постсоветских политических конфликтов героями-антагонистами в прозе В. П. Крапивина выступают представители государственной власти – личности недалекие и откровенно слабые при всем своем внешнем могуществе. Главное их преступление, по мысли писателя, – погубленное Детство: магистрат Реттерхальма изгоняет Гальку из города (повесть «Выстрел с монитора», 1989); в романе «Семь фунтов брамсельного ветра» (2003) чиновник хочет отобрать себе здание Дворца детского творчества: «Из Москвы прислали чиновника, милицейского генерала, будет здесь главным. <...> Ему тоже резиденция нужна, да получше губернаторской, чтобы не потерять имидж. Вот и приглядели для него наш Дворец» [11, с. 23].

В прозе 1990–2000-х годов антагонисты В. П. Крапивина – в основном криминальные субъекты, узнаваемые типовые фигуры «лихих 90-х», отражающие социальную неустроенность эпохи, рост преступности, падение нравов, раскол страны и народа: это уверенные в своей безнаказанности «новые русские», покушающиеся на старинный особняк Кинтеля (роман «Бронзовый мальчик», 1994), криминальные авторитеты (в повести «Лето кончится не скоро» (1995) отца Шурки убивает бандит-бизнесмен Лудов), коррумпированные чиновники и силовики (милиционеры Морда-

стый и Гашкин в романе «Семь фунтов брамсельного ветра» (2003) издеваются над ребятами), насильники и убийцы (маньяк нападает на Женьку Мезенцеву в лифте), активизировавшиеся националисты и фашисты (в повести «Рассекающий пенные гребни» (1998) Оська спасается от «коричневых патрулей» на улицах Севастополя), чеченские боевики (в романе «Рыжее знамя упрямства» (2006) Саид удерживает Салазкина в плену). В рассматриваемый период творчества образ антагониста в значительной степени продиктован непростой политической обстановкой, стремлением писателя отразить захлестнувшие страну проблемы, откликнуться на вызовы времени и озвучить свою позицию по злободневным вопросам.

В фантастических произведениях В. П. Крапивина 1980-1990-х годов сюжетные события разворачиваются в параллельных мирах и охватывают разные грани Великого кристалла Вселенной. Многоуровневое усложнение хронотопа предопределяет эволюцию антагониста: в космических просторах действуют могущественные и изощренные злодеи, которым доступны тайные знания и секреты мироздания, включая власть над временем и пространством. На первый взгляд такой антагонист кажется практически непобедимым – всесильным и вечным. Осмысливая природу мирового зла, В. П. Крапивин обращается к философии христианства, называет прародителем зла дьявола: в романе «Кораблики, или «Помоги мне в пути...» (1993) Юджин так отзывается о коварном маэстро Полозе: «Это не человек. Это оборотень, воплощенное зло. Исчадие Сатаны... Странно звучит в наш просвещенный век, но это так, я уверен» [9, с. 285]. Е. А. Великановой проведен сравнительный анализ романа В. П. Крапивина «Кораблики...» (1993) с романом Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» (1880): крапивинский Полоз сравнивается с Чертом, приходящим Ивану: «Гениальный изобретатель, музыкант, но вместе с тем и чудовище, Полоз выступает в романе именно как персонифицированное зло, носитель и защитник тех идей, которые в романе Достоевского заставляют Ивана Карамазова отказаться принять мир Божий. Ближе всего Полоз к образу Черта, являвшегося теряющему рассудок Ивану. Полоз тоже приходит взрослому Викулову во сне» [2, с. 48]. Герои не могут победить антагониста-дьявола в одиночку – чтобы выстоять в борьбе с ним, необходимо «пробудиться от сна», обратиться к вере, духовности и получить помощь от Бога: «Прервать кошмар Ивана приходит с молитвой брат – Алеша Карамазов, горячо любимый детьми, а за Петра Викулова молится отец Венедикт, настоятель «Детской» церкви» [Там же].

Антагонист-ребенок в прозе В. П. Крапивина может исправиться и перейти на сторону главного героя (добра и правды): хулиган Вязников перестает дразнить Леся Носова, поскольку в критической ситуации Лесь, забыв о вражде, успел достать лекарство для бабушки Вязникова (повесть «Дырчатая луна, 1994); Мика Таевская просит у Васи Перепёлкина про-

щения за то, что выдала его записку учительнице: Вася дарит ей свою дружбу и видит произошедшие с Микой перемены: «Он был не злопамятный. Не обидчивый. Кроме того, похоже, что Мика Таевская в самом деле поумнела. А глаза-бабочки, они стали даже еще как-то... крылатее, что ли. <...> Мика заулыбалась и оказалась рядом» [8, с. 119]. Большая жизнь ребенка еще впереди, детская душа открыта и восприимчива к голосу правды. Ребенок, в представлении В.П. Крапивина, совершает ошибки по неопытности, и сам масштаб его «плохих поступков» еще невелик (дразнилки, ябедничество, самое большое – драка); автор сохраняет веру в светлое начало Детства и всегда предоставляет антагонисту-ребенку возможность вернуться на правильный путь: точкой исправления персонажа выступает примирение с главным героем, а условиями – раскаяние в неблагоприятном поступке, получение прощения, стремление к добру.

Сюжеты, связанные с исправлением антагонистов-взрослых, в прозе В.П. Крапивина отсутствуют. Милиционеры Мордастый и Гашкин извиняются перед Игорем Мезенцевым за грубость и издевательства, когда узнают, что он – сын капитана Мезенцева: «Сразу не мог сказать, что ли? <...> Чей ты есть сын... Одевайся. Гашкин, помоги парнишке... Щас отвезем домой» [11, с. 87], однако их извинения и услужливость нельзя считать искренними – дежурные всего лишь хотят избежать наказания за беспредел и превышение полномочий, им чуждо раскаяние и сострадание: Игорь не сомневается, что они по-прежнему будут притеснять незащищенных людей. В.П. Крапивин отказывается верить в возможность исправления антагониста-взрослого, который предстает закостенелым в своих пороках или же не согласен уступить ребенку из-за гордости (учительница Олимпиада Андриановна не извиняется перед Женькой Мезенцевой за заниженную оценку и придирается к каждому ответу девочки). Зло антагониста-взрослого, по мнению В.П. Крапивина, всегда тяжелее: больший жизненный опыт предполагает более строгую ответственность за поступки; ошибки взрослых, наделенных властью над детьми, порой приводят к непредсказуемым и катастрофическим последствиям, которым не может быть оправдания: отец Кинтеля под конец понимает, что разрушил свою семью и испортил отношения с сыном, но исправить в сложившейся ситуации уже ничего нельзя (роман «Бронзовый мальчик», 1994); магистрат отменяет свое решение об изгнании Гальки, но мальчик уже чувствует себя в городе чужим и сам уходит из Реттерхальма: «Города, которые предали своих детей, долго не живут» [6, с. 139] – слова Пассажира звучат как приговор антагонисту (магистрату Реттерхальма, в широком смысле – миру взрослых), который сам отрезает себе путь к исправлению.

В приключенческих сюжетах В.П. Крапивина роль антагониста – препятствия, преграды на пути главного героя, первопроходца – нередко играет суровая стихия: неизведанный космос («Желтая Роза – коварная звезда» [Там же, с. 217], лучи которой могут сбить астронавтов с курса),

Северный полюс (рассказ «Айсберги проплывают рядом», 1960), крошечная ночь в бескрайней степи (рассказ «Почему такое имя?», 1960). Герои В.П. Крапивина покоряют стихию благодаря своей отваге и помощи друзей: Александр Снег ценой собственной жизни зажигает искусственное солнце, чтобы растопить вечную мерзлоту ледяной планеты (повесть «Я иду встречать брата, 1962); Кинтель и его друзья преодолевают на яхте шторм и вывозят с острова клад Никиты Таирова (роман «Бронзовый мальчик», 1994). Противостояние с природой всегда сопряжено с восхищением ее мощью, величием и красотой: «У самого берега медленно плыли айсберги. Они были громадные, как горы. С одной стороны их освещали красные лучи, с другой, в тени, айсберги были голубые. Они целиком отражались в тихой тёмно-зелёной воде» [4, с. 60], желанием постичь ее тайны: «Вечером делается тихо-тихо. И нет никого кругом. Спускаешься в долину и думаешь: а вдруг там что-нибудь удивительное...» [Там же, с. 51]. По мысли В.П. Крапивина, борьба со стихией помогает человеку развить свои лучшие качества, преодолеть страх и закалить характер: воспитанники парусного отряда «Эспада» с достоинством преодолевают все житейские бури и невзгоды (трилогия «Паруса «Эспады», 1975–2006). Если в романтических произведениях 1960–1970-х годов (повесть «Я иду встречать брата (1962), повесть «Баркентина с именем звезды», 1971) противоборство со стихией – это поиск приключений и романтики странствий, демонстрация силы человека («О, это настоящий моряк. Если даже ветер голосил в вантах, как тысяча ведьм, он все равно не спускал бом-брамсель» [3, с. 38]), то на фоне разрушительных социальных потрясений рубежа XX–XXI веков роль природы как антагониста человечества в прозе В.П. Крапивина существенно изменяется: писатель предполагает, что перед лицом природных катаклизмов люди, возможно, вспомнят о своем нравственном долге и духовных ценностях, поспешат изменить свою жизнь к лучшему, пока не стало поздно. В романе «Семь фунтов брамсельного ветра» (2003) герои узнают из новостей, что к Земле приближается опасный метеорит. Люка тут же высказывает надежду: «Может, астероид заставит людей перестать изничтожать друг друга. Придется объединить усилия, чтобы раздолбать его до подлета» [11, с. 119].

Типичный антагонист Владислава Крапивина неизменно сохраняет свою суть – это герой, так или иначе противопоставленный Детству. Эволюция образа крапивинского антагониста сопряжена с социальными изменениями в советско-российском обществе: как правило, антагонист в прозе В.П. Крапивина представлен в значительной части клишированным, схематичным, но узнаваемым и эмоционально окрашенным социокультурным типажом конкретной эпохи (Гутя – вредный дежурный из пионерского лагеря, Лудов – бандит из «лихих 90-х», Саид – боевик Чеченской войны). При этом крапивинский антагонист становится все более жестоким, а его преступления против Детства – все более тяжкими: если

в ранних произведениях ребятам-мечтателям противостоят угрюмые и непонимающие взрослые (сердитая проводница в рассказе «Восьмая звезда», 1959), равнодушные и холодные родители (повесть «Звёзды под дождём», 1964), то на позднем этапе творчества (1990–2000-е гг.) роль антагонистов в книгах В. П. Крапивина все чаще отводится бандитам, убийцам, насильникам, коррупционерам; по мысли писателя, равнодушные к Детству неизменно приводит к страшным и губительным последствиям, к нравственной деградации и разложению общества. Эволюция образа антагониста также связана с усложнением проблематики произведений (от узко-бытовой – к социальной, философской, духовной), желанием В. П. Крапивина отыскать истоки мирового зла, обращением писателя к христианской картине мира (зло, исходящее от дьявола, можно победить лишь с помощью Бога). Фигуры антагонистов у В. П. Крапивина, как правило, «плоские», без глубокой и всесторонней проработки: их образы представлены автором лишь в той части, в какой это необходимо для выражения конфликта и построения сюжета. Зачастую антагонисты лишены всяких положительных качеств, их портрет складывается из одних пороков и недостатков, при этом отдельные злодеи могут обладать признанными талантами (маэстро Полоз – великий музыкант), которые, однако, не снимают с них вины. Крапивинские антагонисты могут занимать важные посты и заявлять о своем могуществе (Великий Канцлер в повести «В ночь большого прилива», 1977), однако их величие – лишь кажущееся, зыбкое и ненадежное; «Он капитан просто так, пока. Не по правде» [3, с. 42], – говорит Мальчик о жадном Рудике, предсказывая его поражение. Ключ к победе над антагонистом лежит в осознании положительным героем своей духовной силы.

Список литературы

1. Богатырёва Н. Ю. Литературная сказка В. П. Крапивина: Жанровое своеобразие и поэтика: автореф. дис. ... канд. филол. н.: 10.01.01 / Н. Ю. Богатырёва; Московский педагогический университет. Москва, 1998. 16 с.
2. Великанова Е. А. Достоевский и Крапивин: параллели сходятся // Вестник Новгородского государственного университета. 2008. № 47. С. 46–48.
3. Крапивин В. П. Баркентина с именем звезды. Пермь: Книжное издательство, 1972. 198 с.
4. Крапивин В. П. Рейс «Ориона»: рассказы. Москва: Издательский Дом Мещерякова, 2013. 80 с.
5. Крапивин В. П. Бронзовый мальчик. Москва: Издательский дом Мещерякова, 2016. 347 с.
6. Крапивин В. П. Выстрел с монитора. Я иду встречать брата: повести. Москва: АСТ, 2022. 240 с.
7. Крапивин В. П. Звезды под дождем. Москва: Эксмо, 2005. 602 с.
8. Крапивин В. П. Колесо Перепелкина: почти сказочная история: повесть. Москва: АСТ, 2003. 345 с.

9. Крапивин В. П. Кораблики, или «Помоги мне в пути...»: роман-фантазия. Москва: Детская литература, 2013. 446 с.
10. Крапивин В. П. Мальчик со шпагой. Москва: Детская литература, 1976. 318 с.
11. Крапивин В. П. Семь фунтов брамсельного ветра: роман. Москва: РИПОЛ Классик, 2014. 478 с.
12. Сергиенко И. А. «Формула Крапивина»: сюжетная модель реалистической прозы Владислава Крапивина 1960–1980-х годов // Сюжетология и сюжетография. 2019. № 2. С. 151–165.

THE EVOLUTION OF THE IMAGE OF THE ANTAGONIST IN THE PROSE OF V. P. KRAPIVIN

M. V. Komin

Tver State University, Tver

This article examines the evolution of the image of the antagonist hero in the prose of Vladislav Krapivin (using the example of individual works created at different stages of the author's work). The essence of the Krapivinsky antagonist (his confrontation with Childhood) is described, and the connection of the antagonist's image with the socio-cultural environment, current problems and challenges characteristic of the era of the creation of a particular work is shown. The evolution of the Krapivinsky antagonist along the path of his bitterness is presented: the growth of crimes against Childhood against the background of the crisis of Soviet-Russian society. The conditions for correcting the antagonist hero and his transition to the side of Good are considered. The writer's rethinking of the role of nature, the elements as an antagonist of humanity is shown.

Keywords: *Vladislav Krapivin, Childhood, antagonist, evil, formalism, image evolution, hero correction.*

Об авторе:

КОМИН Максим Вадимович – аспирант кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: mvkomin@gmail.com.

About the author:

KOMIN Maxim Vadimovich – Postgraduate Student at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (33 Zhelyabova Str., Tver, 170100), e-mail: mvkomin@gmail.com.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.08.2024 г.

Дата подписания в печать: 06.09.2024 г.